

Министерство культуры Республики Казахстан
Управление культуры, архивов и документации Восточно-Казахстанской области
КГУ «Государственный архив» управления культуры, архивов и документации
Восточно-Казахстанской Области

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова
НИЦ «Алтайтану» и филиал Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова
КН.МОН РК

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

«КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 80-ЛЕТИЮ С.Е. ЧЕРНЫХ»

31 октября 2014 г.

Өскемен - Усть-Каменогорск, 2014

УДК 908
ББК 26.89
К 78

Бас редактор: Аубакиров А.А.
Редакция алқасының мүшелері: Ахметова Г.М., Жанбосинова А.С.,
Қазбекова А.Т., Рифель Л.П.

Главный редактор: Аубакиров А.А.
Редакционная коллегия: Ахметова Г.М., Жанбосинова А.С.,
Казбекова А.Т., Рифель Л.П.

К78 «КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 80-ЛЕТИЮ С.Е.ЧЕРНЫХ»: МАТ.
МЕЖДУНАР. НАУЧ.-ПРАКТ. КОНФ./ гл. ред.: Аубакиров А.А./ Усть-Каменогорск:
ТОО «ВКПК Арго»- -2014-240с.

ISBN 978-601-7552-13-8

Конференция материалдары, зерттеу тәжірибесіне және Шығыс Қазақстанның жергілікті, интеллектуалды және жеке тарихын жазу үшін мәліметтерді жинақтауға бастама салған, Шығыс Қазақстанның белгілі өлкетанушысы, С.Е. Черныхтың жарқын бейнесіне арналған. Конференция материалдары жинағында С.Е. Черныхтың еңбектеріндегі Шығыс Қазақстанның тарих және мәдениет беттерімен байланысты, өлкетану және өлкетану қозғалысы әдіснамасының, регионалистиканың, мұрағаттанудың, мұрағат құжаттарындағы күнделікті тарих мәселелері орын алады.

Материалы конференции посвящены памяти известного краеведа Восточного Казахстана С.Е. Черных, положившему начало исследовательской практике и сбору материала по написанию локальной, интеллектуальной и персональной истории Восточного Казахстана. В сборнике материалов конференции нашли отражение вопросы, связанные со страницами истории и культуры Восточного Казахстана в трудах С.Е. Черных, проблемы методологии краеведения и краеведческого движения, регионалистики, архивоведения, истории повседневности в архивных документах.

УДК 908
ББК 26.89

ISBN 978-601-7552-13-8

©ТОО «ВКПК Арго»,2014

Содержание

<i>Аубакиров А.А.</i> , приветственное слово	5
<i>Аманжолова Д.А.</i>	8
Изучение истории края и социально-культурное развитие региона	
<i>Аупенова А.У.</i>	16
Караганда: краеведческий обзор	
<i>Бекмаханова Н.Е.</i>	28
Е.Б. Бекмаханов и М.П. Вяткин – выдающиеся историки XX века	
<i>Бралинова Д.И., Зарифова М.А., Каримов М.К.</i>	33
Региональный компонент в школьном историческом образовании РК	
<i>Бемм М.А.</i>	43
Работы скульптора В.Б. Самойлова в коллекции Восточно-Казахстанского областного этнографического музея-заповедника	
<i>Григорян М.Н.</i>	51
История с. Хлебновка в 1933-1934 гг.	
<i>Дурново И.В.</i>	55
Станислав Евгеньевич Черных - жизнь через призму архивных документов	
<i>Елеуханова С.В.</i>	59
Повседневность службы и быта ВОХР Карлага	
<i>Жанбосинова А.С.</i>	66
Краеведение: вопросы и поиск ответов	
<i>Контева О.Е.</i>	71
Владельческая принадлежность Колывано-Воскресенских горно-металлургических предприятий во второй половине XVIII в.: историография вопроса	
<i>Казбекова А.Т.</i>	76
Применение труда спецпереселенцев-чеченцев Восточно-казахстанской области в 40 годы XX века (на основе материалов ГАВКО)	
<i>Ксенжик Г.Н.</i>	81
Региональная история и перспективы развития	
<i>Красовицкая Т.Ю.</i>	88
Этнические активисты – в структурах Временного правительства (февраль – октябрь 1917 г.)	
<i>Кузьмина В.М.</i>	97
Вопросы использования краеведческого материала в учебно-воспитательной работе общеобразовательной школы (на примере анализа творчества интеллигенции Центрального Черноземья)	
<i>Кузьмина В.М.</i>	108
Некоторые аспекты актуальных историографических тенденций в региональном краеведении	
<i>Мусабалина Г.Т.</i>	112
XX ғ. 20-30 ж.ж. Алматы инфрақұрылымының визуалды антропологиясы	
<i>Никулина И.Н., Кунгурова И.Н.</i>	120

Использование краеведческого материала в региональных исторических спецкурсах (из практики АлтГТУ им. И.И.Ползунова) <i>Осерчева О.Н.</i>	123
К вопросу о датировке форпоста Красноярского на Иртыше (Из истории села Предгорного Восточно-Казахстанской области) <i>Психомахова А.Р.</i>	132
Вклад общественных организаций Северного Кавказа в изучение края <i>Рахимбекова А.К.</i>	137
Из истории повседневности крестьян-переселенцев по архивным документам (Акмолинская область) <i>Рифель Л.П.</i>	142
«Он не выносил лжи, обмана, лести, очковтирательства, несправедливости и лени...» <i>Романова Е.А.</i>	147
Творчество мастера А.И. Коробкова в художественной жизни города Усть-Каменогорска <i>Рахатова Ж.Т.</i>	161
Көне дәстүрлерді қайта жаңғырту <i>Смирнова З.И.</i>	166
С.Е.Черных и Н.П.Кончаловская история одного сотрудничества. <i>Степанова О.В.</i>	171
Санитарное просвещение на Алтае: ликвидация санитарных последствий войны (1945-1960-е гг.) <i>Тарлыкова О.М.</i>	179
За строкой автографа <i>Тупчиенко-Кадырова Л.Г.</i>	186
Поисковая картаэпистолярного комплекса <i>Турова Л.П.</i>	198
Частные музеи и их вклад в краеведение Восточного Казахстана В XX веке <i>Халидуллин Г.Х., Аталык Б.</i>	204
Махамбет Өтемісұлы әдеби-мемориалдық мұражайында жүргізілген өлкетану жұмыстарының нәтижелері <i>Щеглова Т.К.</i>	212
Становление устной история за рубежом: к вопросу о новых возможностях региональных исследований, локальной истории и краеведческой работы. <i>Холтобина Л.С., Кузьмина В.М.</i>	221
Роль музея «Юные защитники Родины» в краеведческой работе общеобразовательных школ г. Курска <i>Юдина В.И.</i>	229
Роль краеведения в изучении музыкальной культуры Российской провинции <i>Список авторов</i>	237

Сондықтан Махамбет мәңгілік тұлға, ол бізді ел мен жерін сүйеге және ерлікпен батырлыққа шақырады!

Әдебиеттер:

- 1 «Махамбет энциклопедиясы» 20-кітап, Алматы, 2004, 12-бет
- 2 «Махамбет елі» Алматы, 2003, 15-бет
- 3 «Мұрағат деректері – халық қазынасы» Алматы, 2004, 3-бет
- 4 Сарай Ә. «Исатай-Махамбет тарихы (зерттеу)» Алматы, 2012, 457-бет
- 5 Аманшин Б. «Махамбет» Алматы, 1974, 102-бет
- 6 ҚР-сы ҒА-сы Орталық ғылыми кітапханасының қоры 1947 жыл 1-Қорқытовтың материалдары, 57- іс
- 7 Егемен Қазақстан газеті, қыркүйек 1997 жыл
- 8 «Исатай-Махамбет тарихы» 8-кітап, Алматы, 2003, 4-бет

УДК: 94 (574)

ЩЕГЛОВА Т.К.

Алтайская государственная педагогическая академия, г. Барнаул,
tk_altai@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ ЗА РУБЕЖОМ: К ВОПРОСУ О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Формирование устной истории (Oral History) как нового направления исторических исследований или новой исторической дисциплины началось с середины XX века. По мнению исследователей, термин «устная история», отражающий самостоятельный вид деятельности, введен историком и журналистом, профессором Колумбийского университета (США) А.Нэвинсом (Allan Nevins) в 1948 г. и стал использоваться в деятельности созданного им в университете Офиса устной истории (Columbia University Oral History Research Office) [1]. Закрепил академическое признание другой ведущий университет Америки – уже на западном побережье США - Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (University of California at Los Angeles). При нем в 1958 г. был создан архивный центр, специализирующийся на устных источниках. Что касается ее методов и источников, то, как указывает ряд исследователей, они использовались в исследованиях с момента становления истории как науки. В том числе «отцом истории» Геродотом, который в своих произведениях прямо указывал на источник информации – «слушая седовласого старца». Именно на опросах участников событий в античности писали свои работы Тацит и Плиний, в раннее средневековье писались многочисленные хроники, летописи и другие известные письменные источники. Этой точки зрения придерживается и ведущий специалист в области устной истории П.Томпсон: «...устная история существует столько же, сколько и сама история. И лишь совсем недавно искусство обращаться с устным источником перестало быть отличительной чертой выдающихся историков» [2, С.22].

Как известно «революция» в книгопечатании привела к формированию архивохранилищ письменных документов и постепенно изменила отношение к устной информации. Если до XVI-XVII вв. можно говорить о спорадическом архивировании рукописных документов, то книгопечатание привело к возникновению центров сбора и хранения письменных документов. Это усилило позиции истории, как науки. Побочным эффектом стала фетишизация письменного документа в исторических исследованиях. Проявилось это в том, что объективными и достоверными источниками стали признаваться только письменные документы: делопроизводства, статистики, нормативно-законодательной деятельности и другие печатные тексты. Последствия культа письменного слова и письменного источника остаются и в наши дни, проявляются, в частности, в недоверии отдельных традиционных академических историков к материалам опроса и периодически вспыхивающим спорам и дискуссиям.

За опросом оставалось право метода только в этнографических исследованиях и социологии (за которой в период дифференциации наук в XIX в. закрепилось изучение современности и современного общества на основе выявления общественного мнения, а предметом исторической науки стало историческое прошлое, реконструируемое на основе письменных источников). Хотя и статистика, и делопроизводственная документация в государстве с сильной властью и монополизацией всех финансовых ресурсов способствовали значительной корректировке и даже фальсификации информации, поступавшей от местных нижестоящих инстанций в вышестоящие инстанции. Историки называют и другие недостатки письменных источников, которые не способствуют достоверности и объективности исторической реконструкции. Достаточно привести примеры всесоюзной переписи 1937 года или многочисленные следственные дела 1920-1950-х годов. По нашему мнению, любой источник, письменный или устный, подлежит и внешней и внутренней критике, прежде чем будет использоваться. Это значит, что при интерпретации любого источника необходимо учитывать и обстоятельства его создания, и характеристику источника информации, и цели, и задачи появления источника и другие условия, которые могли влиять на отбор и интерпретацию зафиксированной информации.

Другие историки относят возникновение устной истории к середине XX века. Главным аргументом выступает то, что именно в это время сформировались условия, гарантирующие «объективность» и «достоверность» создаваемого историком устного источника – техническое сопровождение записи устного интервью (массовое и доступное развитие звукозаписи и любительских фильмов) как гарантия сохранения первоисточника – собственно речи и интонаций самого опрашиваемого, его оценок и повествования. Техническая поддержка интервью в определенной степени ограждала от вмешательства и влияния на носителя информации ведущего интервью историка: и на этапе проведения интервью, точно фиксируя сказанное, включая паузы, междометия (аудио), мимику (видео) и другие виды информации. Это,

например, позволяло выявить латентную информацию, сохраняя в неизменном виде первичную информацию и на этапе введения исторического источника в научный оборот, и, не допуская искажения в цитировании, на этапе его интерпретации исследователем. Уместно добавить, что подобными недостатками грешат многие краеведческие издания, когда краеведческие исследователи собирают информацию путем опроса очевидцев, вольно фиксируя в своих записях услышанное и еще более вольно пересказывая устное свидетельство в написаниях, особенно это характерно для сельских краеведов создававших летописи сел. Такие работы грешат домыслами, мифологемами, вольными интерпретациями. Ошибки таких краеведов состоят и в неправильно организованной работе по устному опросу, и по его документированию.

Другая группа факторов, способствующих становлению устной истории, как самостоятельного направления исторических исследований, связана с кризисом в исторической науке и кардинальными изменениями, часто называемые историками «переворотами» [3]. И если возникновение или начало формирования устной истории историки за рубежом относят к 1940-м годам, то собственно ее становление относится к периоду резких социальных перемен 1960-х годов и кризису исторической науки в эти годы. Для устной истории особенно важными стали так называемый антропологический и лингвистический перевороты. Первый способствовал переориентации от глобальных процессов в истории, от сведения ее к великим личностям, от акцентуации на политической и экономической истории к введению в историческое повествование «Человека», его ощущений, возможностей, а в целом к гуманизации истории, методологическому и методическому разнообразию. Появились понятия «Человеческое содержание истории», «Человек в истории», «История в человеке». На этом этапе историки столкнулись с ограниченными возможностями государственных архивохранилищ. «Источниковый голод» был обусловлен тем, что подавляющее большинство архивных документов отражало документирование жизнедеятельности государства, государственных или крупных финансовых и предпринимательских структур. Исследователями был сделан вывод, что подобное комплектование способствовало реконструкции исторического прошлого как «Истории сверху». Для реконструкции исторического прошлого с учетом мнения и жизненных историй массовых участников исторических процессов или так называемой «истории снизу» источниковая база не была создана. И задать историку вопрос «как Вам жилось при многочисленных глобальных исторических событиях, явлениях и процессах» некому. Появился термин «безгласное большинство», «немотствующее большинство», а без их оценок дать объективную оценку тому или иному правителю, той или иной государственной власти, тем или иным реформам, тому или иному периоду в истории, даже достижениям науки, техники, изобретениям трудно. Лингвистический переворот укрепил позиции устной истории, поскольку расширил возможности работать с устным источником через слово. В том числе позволил по-новому взглянуть даже на известные «старые» документы.

Лингвистический переворот изменил отношение к слову, к тексту и заставил по-новому взглянуть на возможности письменных и устных источников, их потенциал, предоставив историку инструменты анализа и работы с текстом документа. Это открыло ранее непознанные информативные возможности даже известных письменных источников, не говоря уже об устных источниках.

В результате в международной практике сформировалось два направления в развитии устной истории.

Первое – элитарное направление, характерно для США в период становления устной истории. Собственно возникновение устной истории было связано с потребностью интервьюировать выдающихся людей. С развитием технического прогресса и новых коммуникативных технологий фактически был прерван процесс создания документов личного происхождения. До начала XX века и политики, и дипломаты при жизни создавали обширные архивы, включавшие переписку, личные записи, дневники и другие документы личного происхождения. Например, российские реформаторы времен Александра II, председатель комитета министров П.А. Валуев и министр военных дел Д.А. Милютин, кроме писем оставили свои дневники и воспоминания [4, 5].

В XX же веке в условиях информационного переворота ускорились темпы жизни, у известных людей не стало времени и потребности вести ежедневные дневники, писать воспоминания. Вместо переписки (эпистолярные документы) известные политики или промышленники и другие знаменитости прибегали к телефонным разговорам, личным встречам с глазу на глаз, перелетая уже на самолетах с одного конца света на другой. Соответственно информация оставалась «за кадром» и ее можно было получить только беседой с известными личностями. Тот же «отец» устной истории в США А. Нэвинс ставил задачу интервьюирования выдающихся людей современности, пока эти люди еще оставались живыми среди живых и сохранения этих интервью для потомков. Поэтому исходно американскую устную историю отличали две особенности – интерес к «великим людям и событиям» – большой политике, крупному бизнесу – и отчетливо выраженная тенденция воспринимать устную историю как отрасль архивного дела.

И то и другое абсолютно необходимо и для развития современного краеведческого движения. Практический опыт работы в краеведческом движении показывает ряд его недостатков, которые должны компенсироваться через развитие устной истории совместными усилиями – историков и архивистов. Во-первых, необходимо сформировать коллекции материалов интервью выдающихся людей своего региона – от руководителей администраций до известных изобретателей, рационализаторов, передовиков производства и в промышленном секторе, и в сельском хозяйстве, и в образовании, и в здравоохранении. Мы материалы интервью называем устные исторические источники. И даже проводить интервью в среде писателей, живописцев, актеров. Хотя последние более озадачены сохранением памяти о себе. Многие из них склонны и к эпистолярному жанру. Но технологический прогресс берет свое – электронная почта, соцсети, скайп, цифровые технологии

и другие средства коммуникации фактически оставляют будущих историков без документов личного происхождения. Процесс их создания безвозвратно прерван.

Во-вторых, необходимо краеведческому сообществу относиться к записи аудио и видеоинтервью так, как это делают устные историки. В отличие от предыдущих практик опросов большинства краеведов для получения информации, устные историки в обязательном порядке документируют и архивируют материалы опросов. Иначе говоря, выполняют изначально требования практики по созданию архивного документа. Недаром первоначально устная история, зародившись при университетах, стала развиваться при архивах и библиотеках. Собственно проникновение устной истории в научную практику в СССР также началось с архивов [6, 7]. Примером правительственных институтов, создавших у себя программу по устной истории в США, являлась библиотека Трумэна, директор которой Филип Брукс, выступая на съезде устных историков США в 1966 г, которые собрались, чтобы создать Ассоциацию устной истории США, четко определил первой задачей нового направления – «это дополнение письменных документов – писем, дневников, любых записей» материалами интервью [8, С. 8]. Поэтому первыми устными историками в США стали «устные архивисты». И развитие устной истории в рамках архивной деятельности они считали своего рода гарантией объективности и достоверности устного источника. Тот же Ф.Брукс так об этом говорил: обычный историк интервьюирует живущих людей для достижения своих исследовательских задач, «устный архивист» собирает материал для будущего его использования другими исследователями. Так как, по его мнению, у него нет конкретной исследовательской гипотезы, которую ему нужно доказать или опровергнуть, а значит такие условия позволяют обеспечить большую объективность собранного материала.

И этот этап оказался правильной сознательной стратегией в привлечении на свою сторону академической науки, у которой сформировалось во многом под влиянием краеведческой практики с ее произвольным и волюнтаристским использованием методов и материалов опросов недоверчивое отношение к устному источнику. Академические историки выдвинули претензии к устному историческому источнику (материалам интервью): необъективность/субъективность и недостоверность/искажение полученной опросом информации. С одной стороны, устные архивисты, продемонстрировав специальные методики и техники исследования исторического прошлого, способствовали повышению академического статуса устной истории и ее признанию у академических историков, убедившихся, что результаты устной истории обеспечивают достаточную объективность создаваемого исторического источника. С другой стороны, привлекательным для университетов стало и интервьюирование деловой и политической элиты США, прежде всего потому, что эта работа изначально сформировалась с привлечением дополнительных денежных средств на ее проведение. Интервьюирование выдающихся деятелей в разных сферах от власти или

производства до культуры вызвало поддержку различных национальных фондов и частных спонсоров. И любой разворачиваемый проект по устной истории вызывал благожелательное отношение со стороны потенциальных источников финансирования.

Второе направление – демократическое развитие устной истории – «история снизу» («history from below», «history from the bottom up») «истории безмолвствующего большинства», «истории снизу вверх». Наибольший размах история снизу получила в Европе³, хотя уже в 1960-начале 1970-х гг. в среде устных историков США сформировалась группа исследователей-бунтарей: не надо доказывать историкам-профессионалам профессионализм устных историков – надо раздвигать рамки устной истории и «идти в народ». Ярким примером является деятельность Стадса Теркеля (Studs Terkel) и Алекс Хейли (Alex Haley). На самостоятельное развитие демократической устной истории в западной историографии, в том числе и США, повлияли многие факторы, например, исследования британских историков-марксистов. Устная история, начавшись с США, идеально вписывалась в задачи «истории снизу вверх» в западной историографии, поскольку сама практика устной истории позволяла не просто заниматься устной историей, а жить ею.

В Западной Европе устная история появляется в качестве самостоятельного академического направления в 1960-е годы как составная часть «истории снизу вверх» в тесном сотрудничестве с левыми социальными и политическими движениями. Без архивного уклона и интереса к «выдающимся деятелям». Поэтому сформировались различия в исследовательских практиках в Старом свете – Европа и «Новом свете» – Америка. В Европе лидерами стали Англия и Италия. Первая, в том числе, в силу того что имела опыт социальных обследований с использованием элементов интервью так называемой «рабочей истории» (Самьюэль Смайлс, 1859 г.) и изучения «лондонской бедноты» (Генри Мэйхью, 1851 – 1861 г.). В Англии, в отличие от других стран беседы и интервью, как метод исследования оказались воспринятыми не только социологией, но и близкой к ней «рабочей историей» (Labour history).

Опыт британских исследователей в период становления устной истории и ее массового развития позволяет многое использовать в современной исследовательской практике «истории снизу вверх». Именно работа с массовыми рядовыми участниками глобальных исторических процессов, явлений или событий. В частности, опыт создания центров по изучению устной культуры «дискриминируемых» социальных групп применим к изучению истории депортированных народов или репрессированных групп городского и

³ Об этом материал содержится во многих работах, среди них Согрин В.В. Критические направления немарксистской историографии США XX века. М., 1987; Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., 1991; Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: Новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. 1990/Под ред. А.Я. Гуревича. М, 1990; Зверева Г.И. Историческое знание в Великобритании второй половины XX в.: пути «новой социальной истории» // Историческая наука в XX веке: Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки / под ред. И.П. Дементьева, А.И. Патрушева. Москва: Простор, 2002 и другие работы, в том числе этих авторов.

сельского населения советского общества в период тоталитаризма (1920-1950-е годы). Важно в краеведческом движении реализовать и принципы устной истории Великобритании в изучении низших слоев. То есть не только с точки зрения социальных проблем, жилищных условий, гигиены и т.д., сколько через культуру разных локальных и региональных групп рабочего класса, крестьянского общества, интеллигенции в ее антропологическом понимании, т.е. со своей культурой и мировоззрением через «жизненный опыт». Именно понятие «ОПЫТ» -experience стало центральным местом в формирующемся в англоязычной историографии направлении, что и повлияло на академическое признание устной истории в Великобритании. Через ОПЫТ, по мнению английских новых историков, формируется «самосознание отдельного человека и целых социальных групп». Это оказалось близко устной истории – как методу, ориентированному на субъективное восприятие истории через призму отдельной личности.

Важным в понимании новых подходов является работа Эдварда Палмера Томпсона «Становление английского рабочего класса» (1963). Его знаменитая фраза «Я стремлюсь к тому, чтобы спасти от чудовищного пренебрежения потомства бедного чулочника, издольщика-лудитта, ставшего «пережитком прошлого», ткача «рассеянной мануфактуры...» перевернула историю Англии. Закрепило позиции устной истории создание новых университетских центров в противовес старым классическим университета в Оксфорде и Кембридже. Первым Центром стал университет в Эссексе, где создателем научной школы стал один из пионеров устной истории Великобритании Пол Томпсон. Именно под его руководством в 1969 г. стал издаваться журнал Устная история (Oral History), в 1971 г. – Общество устной истории. Его наиболее известная в мировой практике монография «Голос прошлого» (М., 1978, 1988, 2000) переиздавалась только в России несколько раз. Именно в рамках устной истории Великобритании была разработана методика устной «истории снизу вверх» - изучение истории через призму семьи и местного общества. Этот принцип собственно может стать и принципом краеведческого движения с использованием методов устной истории (т.е. научно организованного интервью с последующим документированием и архивированием материалов) в изучении особенностей исторической жизни любого местного или локального сообщества через историю семьи.

Иные факторы привели к становлению устной истории в Италии. Они очень понятны и для истории стран на постсоветском пространстве, в т.ч. для России и Казахстана. Устная история в Италии началась в 1960-х гг. с заполнения «лакун» истории созданными местными центрами по изучению движения Сопротивления и партизанского движения в годы Второй Мировой войны. Под влиянием общественно-политической ситуации частью историков была поставлена задача изучения тех исторических событий, которые по своей природе не оставляют после себя достаточную документальную источниковую базу, но их изучение является важной частью трансформации национального самосознания. В «итальянском случае» - после войны. Как определил один из

итальянских основателей устной истории Джанни Бозио, цель созданного им в Милане института Эрнесто Де Мартино «критическое мышление и альтернативный образ мира народной культуры». Этот подход важен для любого краеведческого сообщества, т.к. «лакун» в истории как на уровне любой страны, особенно прошедших длительный период «тоталитаризма», так и на уровне региона со своими специфическими или эксклюзивными событиями достаточно. Важным стало для итальянских устных историков – создание звукового архива, т.к. для исследователей на первом месте стояла непосредственная работа по проведению интервью и сбору устных историй о жизни. В 1976 г. время, благодаря итальянским историкам, была проведена международная конференция «Антропология и история: устные источники». На ней собственно завершилось признание достоверности источников устной истории, их сходство с привычными типами письменных документов, таких как мемуары.

Сбор устных историй для большинства устных историков за рубежом в эти годы стал самоцелью. Европа пережила много событий – нацизм, война, геноцид, движения сопротивления, послевоенная борьба за демократию и экономическое восстановление, антиколониальные движения в Африке и Азии. Поэтому аргументами «собираателей» народной истории, как альтернативы официальной истории, являлась необходимость по свежим следам зафиксировать у живых участников событий их «устные повествования» о том «как было это в их жизни и судьбе». Появился термин «life story». Прерогативу анализа и интерпретации создаваемых документов они оставляли будущим поколениям историков, считая важным зафиксировать жизненные истории массового рядового участника событий, пока они свежи в памяти. Даже возникло мнение, о самодостаточности «устных историй», не требующих интерпретации профессиональных историков, с их вмешательством в оценку очевидцев. Стало расти число «устных архивов» - «oral archives».

К сожалению, для краеведческого движения всего постсоветского пространства уже упущено время по проведению интервью событий первой половины XX века: революции и гражданской войны, коммунарского движения и колхозно-совхозного строительства, коллективизации и индустриализации, репрессий 1920-1930-х гг., депортаций 1940-х гг. и т.д.

Проведенные в 1920-1930-е годы Испартом и его региональными отделениями сборы воспоминаний пятигодников (участники революции 1905 гг.), участников революции 1917 г. и гражданской войны, а также инициированные М.Горьким записи устных свидетельств по истории пролетариата, фабрик и заводов, с одной стороны дали блестящий опыт массовой работы по сбору устных рассказов. В этой работе участвовали академики, ими были выработаны первые методические рекомендации, даже в многотомных изданиях, например, «История пролетариата», «История заводов» [9] отводились разделы под публикацию этих воспоминаний. С другой стороны, в послереволюционной эйфории стала четко вырисовываться идеологическая заточенность материалов опросов. Тем не менее, это прецедент

показал, какой массив источников могли создать «беседчики» (так называли интервьюеров), стенографисты (они «заменяли» звукозаписывающую аппаратуру, более или менее полно фиксируя рассказ) и участники событий.

Историки и «начинающие историки» (студенты), архивисты и краеведы просто обязаны, идя уже к немногочисленным оставшимся в живых очевидцев событий первой половины XX века зафиксировать каждый индивидуальный эмпирический опыт. Компенсировать потери можно фиксируя семейные «life story», т.к. устные историки, в частности Я Вансина доказали «способность человеческой памяти сохранять информацию неизменной на протяжении нескольких поколений, не прибегая к помощи письма» [8, С. 17].

Завершая краткий обзор становления зарубежного опыта устной истории на примере Англии и Италии, нужно заметить живую актуальность устноисторической практики полувековой давности. И по формам работы, и по направлению деятельности и по тематике прошлый опыт зарубежных коллег не устарел и может использоваться в краеведческой практике в наши дни.

Литература:

1 Бэрг М.П. Устная история в Соединенных штатах//Новая и новейшая история. – 1976. - № 6. – С. 213-216

2 Томпсон Пол. Голос прошлого. Устная история. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2000.

3 Репина Л. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998. - 278 с.

4 Дневник Валуева, министра внутренних дел в двух томах/Под.ред. П. А. Зайончковского. – М., 1961

5 Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860 – 1862. Под редакцией д.и.н., профессора Л.Г. Захаровой. Студия ТРИТЭ, РИО «Российский архив», 1999.

6 Кузнецова Н.П. Суринов В.М. «Устная история» в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений // Советские архивы. – 1980. - №1. – С.73-76.

7 Устная история в зарубежных архивах: Зарубежный опыт. Аналитический обзор/Сост. В.М. Виноградов, В.Н. Гермаш. – М., ВНИИДАД: ОЦНТИ, 1988]. «Устная история» в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений/Н.П. Кузнецова, В.М. Суринов//Советские архивы. – 1980. - №1. – с.73-76

8 Лоскутова М.В. Введение/// Хрестоматия по устной истории/ Пер., сост., введение, общая редакция М.В. Лоскутовой. – СПб.: Изд-во Европ. Ун-та в С.-Петербурге, 2003.

9 История заводов. Вып. 1-3. М, 1932